

(Артемий Мар)

КОЛЫБЕЛЬНАЯ
ДЛЯ СМЕРТИ

Артемий Мар

Колыбельная для смерти

<https://litres.ru/73446906>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он умер, когда ему был год.

Но вернулся.

С тех пор ОНА наблюдает за ним и не отступает ни на шаг .

Ведь мальчик — ключ между мирами.

Через него Хозяйка хочет привести свою мёртвую рать в мир живых.

ОНА зовёт его «светлый» и ждёт, когда он оступится и станет её на вечно.

Но у него есть бабка-ведунья, лесной дух Леший и девочка с даром видения. И есть любовь, которая оказывается сильнее любых чар.

Сто лет жизни и испытаний в мире мёртвых.

История, от которой мурашки по коже.

Так кому поёт колыбельную сама Смерть? Может тебе?

Русская готика. Славянский фольклор.

Книга содержит сцены мистического характера, описание потусторонних миров и философские размышления о жизни и смерти.

Содержание

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ДЛЯ СМЕРТИ	4
роман о том, кто вернулся с того света	4
Пролог	5
Глава 1. Родильный камень	8
Глава 2. Гость с того берега	16
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Артемий Мар
Колыбельная для смерти
КОЛЫБЕЛЬНАЯ ДЛЯ СМЕРТИ

**роман о том, кто
вернулся с того света**

Эта история посвящается всем, кто когда-либо заглядывал за грань и возвращался обратно. И тем, кто остался там, чтобы охранять наши покой.

Пролог

Я умер в среду. Об этом мне рассказала бабка Агапа, которая, по её же словам, «выла громче всех, аж покойники в окрестных лесах проснулись».

Я не помню своих похорон. Потому что мне было всего один год от роду. И потому что, строго говоря, я на них не присутствовал. Моё тело, завёрнутое в кружевное одеяльце, лежало в маленьком гробике, обитом белым атласом. А я сам... я парил под весенним потолком нашей избы, что стояла на высоком берегу реки Быковки, путаясь в нитях пыльных лучей, и смотрел на всё это сверху вниз.

Мама не плакала. Это было самое странное. Она стояла у стола, на котором меня отпевали, и гладила край моего одеяльца. Лицо её было белым, как первый снег, но глаза – сухими и страшными. Отец пил самогон в сенях, и до меня доносился только его надсадный кашель.

Смерть пришла ко мне не черной старухой с косой. Она пришла как жар. Как огненный петух, который клюнул меня в темечко, заставив гореть заживо трое суток. Лекарь из волости сказал – «ангина». Бабка Агапа, перебирая в углу высохшие травы, прошептала тогда: «Не ангина то, мать. То он Её увидел».

Кого – «Её»? Я тогда не понял. Я просто умер. А потом, на третьи сутки, когда гроб уже стоял на лавке и пахло воском

и тленом, я открыл глаза.

Точнее, открыл глаза тот, кто лежал в гробу. Я же всё это время был здесь, под потолком. И когда наше с ним зрение совпало, мир раскололся на две половинки. В одной остались заплаканная мать, пьяный отец и бормочущая псалмы попадья. А в другой...

В другой, прямо на лавке рядом с моим гробом, сидела женщина. Она была прекрасна той страшной, нечеловеческой красотой, от которой стынет кровь. В длинном, до пят, белом саване, с распущенными чёрными волосами, в которых запутались полевые цветы. Она смотрела не на мое мёртвое тело. Она смотрела вверх, на меня, парящего под потолком. И улыбалась.

– Здравствуй, сердешный, – прошелестело у меня в голове. – Загостился ты тут. Пора и честь знать.

И она протянула ко мне руку. Но в этот миг бабка Агапа, стоявшая в углу, вдруг резко обернулась, словно тоже её увидела, и с силой плеснула в угол святой водой из глиняной кружки.

Женщина в белом зашипела, как подпаленная кошка, и растаяла, осыпавшись лепестками увядших цветов.

А я.... я камнем рухнул вниз. В своё тело. И заорал так, что с крыши, говорят, снег посыпался, хоть на дворе стоял май.

Мать упала в обморок. Отец выбил дверь сеней с петель. А бабка Агапа, единственная, кто не испугался, подошла ко

мне, вынула из холодных ручек завядший василек (которого я раньше не замечал) и перекрестила меня.

– Жить будешь, малый, – сказала она. – Только помни теперь: ты не просто дитё. Ты – меченый. Ты одной ногой там побывал и обратно воротился. Теперь они за тобой всю жизнь охотиться станут. И те, кто сверху, и те, кто снизу. А всё почему?

Я, конечно, ответить не мог. Я просто плакал, чувствуя, как ледяной ком в груди медленно оттаивает.

– А потому что вернулся ты не один, – шепнула бабка, пряча василек за пазуху. – Глаза-то разуй.

Я разул. Сквозь пелену младенческих слез я увидел мать, приходящую в себя. Отца, мелко крестящегося на иконы. И в дверном проеме, на фоне яркого майского солнца – тонкий девичий силуэт в белом, с цветами в волосах. ОНА помахала мне рукой и исчезла в солнечном свете.

Так началась моя вторая жизнь. Жизнь, в которой смерть стала лишь дверью.

Глава 1. Родильный камень

Я рос хилым и молчаливым. До трёх лет не говорил ни слова, и мать уже начала возить меня по бабкам-шептухам, чтобы «замолвку сделать». Отец, Игнат, суровый мужик, работавший в кузне, косился на меня с опаской и старался лишний раз на руки не брать. Слишком холодный я был, говорил он. Даже в самую жаркую баню от меня веяло сыростью погребя.

Единственным человеком, кто не боялся ко мне прикоснуться, была прабабка Агапа. Для всей деревни Вереи она была просто «старая ведьма», которую обходили за версту, но в трудную минуту бежали к ней с последним грошом. Для меня же она была целым миром.

– Не слухай ты их, – говорила она, мешая угли в печи, от которой почему-то всегда пахло не едой, а полынью и мятой. – Холодный он. Это верно. Потому что тепло своё он там оставил. Где был-то. А забрал взамен другое.

– Что другое, баба? – спросил я впервые. Мне было три года, и я стоял босиком на холодном земляном полу, глядя, как тени от огня пляшут на её морщинистом лице.

Она обернулась, и глаза её блеснули, как у молодой кошки.

– Видение, внучек. Ты теперь видишь то, что другим не кажется. И то, что другим кажется, да они боятся признаться.

Грань ты видишь.

Эту грань я видел везде. Она была как тонкая, чуть заметная рябь на воде в безветренный день. Иногда она проступала на старых иконах, отчего лики святых казались мне живыми и пугающими. Иногда – в углах избы, где по ночам копошилось что-то маленькое и шуршащее. Бабка называла это «кикиморами» и ругалась на них матом, отчего они затихали. А иногда разговаривала с Домовым. Но чаще всего эта рябь сгущалась вокруг колыбели.

Моей колыбели не было. Мать, боясь за мой сон, укачивала меня на руках. А вот в доме у тётки Моти, что жила через стенку, как раз родился мальчик, Петька. И каждую ночь я слышал его плач. А ещё я видел, как над его люлькой склоняется ОНА.

Она была уже не в белом саване, а в сером, будничном. Волосы убраны под платок, лицо усталое, даже доброе. Она качала люльку и тихо, еле слышно, напевала. И от её пения Петька затихал, но дышать начинал тяжело, с хрипами.

Я рассказал бабке Агапе.

– Полуношница, – спокойно ответила она, строгая лучину. – Не тронь. Это её работа. Она деток не забирает, она их успокаивает, когда им боязно. А вот когда она в белом придет да с цветами... Это уже другая ипостась. Это сама Навья.

– Кто?

– Та, что за тобой тогда пришла. Смерть младенческая. Мать сыра-Земля в ипостаси своей темной. Она малых души

любит, они чистые. Ты ей глянулся. Потому она за тобой и увязалась. Ждет не дождется, когда оплошаешь.

Я замолчал. Мне было три года, и меня поджидала Смерть. Это звучало как страшная сказка, но это была моя жизнь.

В то лето случилась засуха. Страшная, какой не припомнят даже старики. Обмелела Быковка – там, где раньше девки венки пускали на Купалу, теперь можно было по дну пройти, не замочив ног. Солнце выжгло поля, колодцы пересохли, а по ночам над кладбищем, что стояло на взгорке за огородами, загорались блуждающие огоньки. Мужики говорили – к худу. Бабы выли – к мору.

Отец мой, Игнат, скинулся с мужиками и привез из города попа с кадилом. Поп отслужил молебен на поле, покропил святой водой пересохшую землю, но легче не стало. Даже хуже стало. На следующее утро после молебна нашли в колодце утопленника. Старый дед Пахом, который уже лет десять из избы не выходил, сидел в пустом колодце, задрав голову к небу, и улыбался. Вода в колодце так и не появилась, а дед был сухим, хоть и просидел там всю ночь.

– Зачем полез? – допытывался урядник, приехавший из волости.

– Не лазал он, – сказала бабка Агапа, стоя в толпе. – Его принесли. И посадили. А он и рад. Гляньте на лицо-то. Блаженный.

Урядник глянул и перекрестился. Дед Пахом действитель-

но улыбался, как младенец, увидевший материнскую грудь.

Хоронить его не стали. Закопали тут же, за огородами, без креста и попа, как самоубийцу. А в ночь после похорон я проснулся от холода.

Луна светила прямо в окно, и в её мертвенном свете на моей кровати, в ногах, сидел дед Пахом. Таким же сухим и блаженным.

– Вставай, малец, – прошелестел он, и изо рта у него посыпалась сухая земля. – Зовут тебя.

Я не закричал. Я привык. Я сел на кровати и посмотрел на него.

– Кто зовет?

– ОНА, – кивнул он головой в сторону окна. За окном, на фоне бледного неба, стеной стоял лес. – Хозяйка. Гневается. Жертвы просит.

– Какие жертвы?

– Чтоб вода была. Чтоб дождь пошел. Ей кровь нужна. Младенческая кровь, самая сладкая. А ты у нее должник. Ты ушел. Ты её обманул. Теперь либо ты к ней придешь, либо она сама за всеми придет.

Я смотрел на него и вдруг понял, что это не сон. Что этот сухой старик с пустыми глазницами – вестник.

– Я пойду, – сказал я тихо. – Но не один. Ты скажи ей: я приду, но она сначала пусть дождь пошлет.

Пахом кивнул и начал таять, как утренний туман. На простыне осталась только горстка сухой земли и маленький, ока-

танный водой камешек. Гладкий, серый, с дырочкой посередине. «Куриный бог», как называла такие бабка.

Я зажал камень в кулаке и лёг обратно. За окном зашумело. Упали первые, тяжелые, как дробь, капли.

Утром меня разбудил ливень. Мать рыдала от радости, подставляя под струи с неба пустые ведра. Отец крестился на иконы. А бабка Агапа сидела на крыльце, промокая до нитки, и смотрела на меня.

– Покажи, – сказала она.

Я разжал кулак. Она взяла камешек, повертела в узловатых пальцах и тяжело вздохнула.

– Плата, – сказала она. – За дождь расплатился. Теперь ты её собственность, внучек. Этот камень – родильный. Те, кто с того света приходят, через такие дырочки в наш мир глядят. А ты его взял. Теперь она всегда будет знать, где ты. И всегда сможет к тебе войти. Носи теперь. Не выкидывай. Это твой оберег теперь. От людей. И пропуск для неё.

Я спрятал камень за пазуху. Он был ледяным, но уже через минуту согрелся от моего тела и стал почти родным. Ливень хлестал по крыше, смывая засуху, а вместе с ней – и покой деда Пахома с его блаженной улыбкой. Деревня Вереи ликовала. Только я знал цену этого ливня. И цена эта была я сам.

Как-то мы сидели в сенях. Бабка Агапа, как всегда, возилась с травами, а я вертел в пальцах свой камень. Лунный

свет падал в окошко, и в дырочку посередине было видно, как танцуют пылинки.

– Баба, – спросил я, – а почему ты говорила – он и оберег, и пропуск? Как это может быть одно и то же?

Она подняла голову от пучка сушёной мяты, посмотрела на меня долгим взглядом. Потом отложила травы, под села ближе, взяла камень в свои узловатые пальцы.

– А ты думал, вещи простые? – усмехнулась она. – Нет, внучек, в нашем деле простого не бывает. Всякая вещь – она как человек. Живёт, дышит, меняется. Особенно такая.

Она поднесла камень к свету, повертела.

– Родильный камень, куриный бог – по-разному зовут. Его вода точит тысячу лет, дырочку эту делает. Через неё мир духов в наш заглядывает. И мы – в их, понимаешь?

Я кивнул, хотя понимал ещё не до конца.

– Для обычного человека, – продолжала бабка, – он оберег. Потому что дырочка эта отводит дурной глаз, нечисть путает. Они смотрят – а видят пустоту. Для них ты как сквозь туман. Проходят мимо.

– А для меня?

– А для тебя, – она вздохнула, – для тебя он стал ключом. Потому что ты сам через эту дырочку уже пролез. Туда и обратно. Ты не просто носишь камень – ты в нём отпечтался. Как воск под печатью.

Я смотрел на камень и пытался представить, как можно «отпечататься» в дырочке.

– Это как... как если бы ты в дверь вошёл и ручку с собой забрал? – спросил я.

– Умный, – улыбнулась бабка. – Вроде того. Только наоборот. Ты не ручку забрал – ты сам стал дверью. А камень теперь – это проём в двери. Через него она на тебя смотрит. И всегда видит.

– А если выкинуть?

– Выкинешь – хуже будет. Дыра в тебе останется, пустое место. А пустота, она всегда заполняется. Чем заполнится – не знаешь. Может, чем похуже Хозяйки. Камень хоть держит границу, не даёт ей совсем внутрь провалиться.

– Значит, он и враг, и друг?

– Он – мост, – ответила бабка. – А мост, он ни враг, ни друг. Он просто связь. Можно по мосту врага впустить, а можно самому по нему уйти и не вернуться. А можно на мосту стоять и смотреть. Ты теперь на нём стоишь, внучек. Всю жизнь.

Она помолчала, поглаживая камень большим пальцем.

– И ещё одно помни: камень этот живой. Он будет меняться. С тобой вместе. Пока ты маленький и слабый – он для неё окно. Вырастешь, силу наберёшь – может, и сам в него смотреть научишься. Не она на тебя, а ты на неё.

– Как это?

– А вот так. Через эту дырочку можно не только впускать, но и выпускать. Или не выпускать. Захочешь – закроешь. Захочешь – оставишь щёлку. Всё от тебя зависеть будет. От

твоей воли.

– А бабушка, – спросил я, вспомнив её рассказ про Леше-го, – а твой алатырь? Он тоже такой?

– Алатырь – другой, – она покачала головой. – Тот из са-мой земли, из корней. Он силу даёт, а не связь. Это разные вещи. Как нож и ключ. Ножом можно резать, а ключом – от-крывать. У тебя – ключ. Самый сильный, какой только бы-вает. Потому что он кровный, родильный. Ты с ним родился заново.

Она вернула мне камень. Я зажал его в кулаке, и он вдруг показался мне не холодным, а тёплым. Почти живым.

– Носи, – сказала бабка. – Не снимай. И слушай, что он тебе шептать будет. Со временем научишься различать – где её голос, а где камень сам говорит. Там, в дырочке, не только она живёт. Там ещё и ты сам. Та часть тебя, что там осталась. Слышишь?

Я приложил камень к уху. Мне показалось – или действи-тельно внутри что-то зашумело? Как ветер в печной трубе. Как далёкий лес. Как голос, похожий на мой собственный, но глубже, древнее.

– Слышу, – прошептал я.

– Ну и ладно, – кивнула бабка и вернулась к своим травам.
– Значит, не зря всё. Живи теперь с этим.

Глава 2. Гость с того берега

После того дождя жизнь в Верее пошла своим чередом, но что-то неуловимо изменилось. Люди стали чаще креститься, дольше засиживались вечерами по домам, а собаки по ночам были не на месяц, а на наш дом. Мать с отцом переглядывались, но молчали. Только бабка Агапа вела себя как обычно – будто ничего и не случилось.

Мне минуло пять лет. Я уже хорошо говорил, но с деревенскими детьми не играл. Они меня сторонились. Я не обижался – я понимал. Дети всегда острее чувствуют чужеродность. А я и был чужеродным. Слишком бледный, слишком тихий, слишком внимательный. И с этим дурацким камешком на шее, который я носил на суровой нитке и никогда не снимал.

– Куриный бог! – дразнились ребята. – Жабы лапки! Меченый!

Я не отвечал. Мне было всё равно. Меня больше занимало другое: по ночам ко мне приходили гости.

Первым был дед Пахом. Он являлся регулярно, садился в ногах и молча смотрел на меня своими пустыми глазницами. Иногда шевелил губами, но слов я не разбирал – только сухой шелест, как от опавших листьев.

Потом появилась женщина в белом. Та самая, с похорон. Но теперь она не исчезала при виде святой воды. Она стояла

в углу моей комнаты и ждала. Чего? Я не знал. Но каждую ночь, просыпаясь, я видел её силуэт и чувствовал, как холод подбирается к моему сердцу.

– Не бойся её, – учила бабка Агапа. – Она боится больше. Ты живой, а она – нет. Нет у неё силы над тобой, пока ты сам не позовешь.

– А я позову?

– Не дай Бог, – крестилась она. – Не дай Бог.

Но однажды ночью я позвал. Сам того не желая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.